

ЗНАМЯ

1/94

Владимир СОКОЛОВ
Сквозь снег бродячих лет моих

Владимир ТУРБИН
Exegi monumentum

Михаил ШИШКИН
Слепой музыкант

Димитрий ЭСАКИА
В поисках утраченного пространства

Карл ЯСПЕРС
Вопрос виновности

ВЗГЛЯД НА «ЗНАМЯ»-93

ЯНВАРЬ

Анатолий Вишневский

НЕИЗБЕЖНО ЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ?

«И ко всему теперь вот, — готовить переселение соотечественникам, теряющим жительство? Да, неизбежно».

А. Солженицын

Перемены в Восточной Европе

Политические события конца 80-х — начала 90-х годов на Востоке Европы изменили геополитическую картину на этом континенте не меньше, чем две мировые войны XX века.

Долгое время наряду с подвижными, часто менявшимися границами государств огромную роль в истории Центральной и Восточной Европы играли, возможно, более важные, более устойчивые и менее проницаемые метаграницы между крупными геополитическими блоками, «империями», целыми социальными мирами, объединявшимися западнохристианской, восточнохристианской и мусульманской социокультурными традициями.

Хотя постепенно эта геополитическая структура разрушалась, до самого последнего времени сохранился геополитический разлом, разделявший «Запад» и «Восток» Европы, потому что не утратили своего значения глубинные различия в типах западноевропейских и восточноевропейских обществ. Новизна нынешней ситуации в том, что модернизация восточноевропейских обществ (включая европейские республики бывшего СССР) очень сильно изменила и приблизила к западноевропейскому их экономический и культурный тип, и резко ускорило размывание социокультурных границ между западом и востоком Европы. А уж вследствие этого потеряла смысл непроницаемость политических рубежей замкнутых геополитических блоков и их архаичная вертикальная «имперская» структура. С распадом СССР в Восточной и Центральной Европе закончилась «эпоха трех империй», и впервые в новейшей истории континента открылись возможности более гибкого структурирования общеевропейского геополитического пространства. При этом очень сильно изменились и условия европейских миграций.

Во-первых, наконец-то стали складываться политические предпосылки превращения всей Европы в единое миграционное пространство. Свободное перемещение европейцев как с Востока на Запад, так и с Запада на Восток становится необходимым условием новой экономической и политической интеграции Европы, и, возможно, Россия, в первый раз в ее истории, примет активное участие в таком свободном перемещении, давно привычном для большинства европейских стран.

Во-вторых, появилась реальная вероятность того, что Россия и Восточная Европа в целом станут частью «Севера» и со временем вся — а не только Западная — Европа превратится в зону, принимающую эмигрантов из развивающихся стран, включая в их число и бывшие советские республики Центральной Азии. По ряду причин многие восточноевропейские страны более доступны для жителей густонаселенных территорий, примыкающих к Европе с юга и востока. Кроме того, для части мигрантов они могут служить (или казаться) перевалочным пунктом по пути на Запад. Уже сейчас такие государства, как Польша или Венгрия, сами будучи странами эмиграции, испытывают все большее давление со

стороны иммигрантов, часто незаконных, из бывшего СССР, Болгарии или Румынии, а также из стран «третьего мира» и начинают ужесточать меры контроля при въезде в страну. Рано или поздно проблемы миграции с «Юга» во всей их сложности придется осмысливать в России.

Два эти сдвига в миграционной ситуации были оценены сразу же — речь шла о процессах, хорошо знакомых по опыту послевоенных десятилетий и очень важных для разбогатевшей и истощившей потенциал демографического роста Западной Европы, почти забывшей о своем эмиграционном прошлом и превратившейся в зону иммиграции; для Европы, какой она привыкла быть после Второй мировой войны в рамках порядка, заданного Ялгой и Потсдамом. Но неизбежность этого порядка уже пошатнулась, рождается какая-то новая Европа. События последних лет напоминают нам о том, что относительно благополучное европейское развитие второй половины XX века не упростило более долговременных ритмов мировой истории, связанных с периодическими крупномасштабными геополитическими подвижками на нашем континенте. Сейчас мы стали свидетелями одной из таких подвижек — она-то и может оказаться причиной третьего, едва ли не самого важного сдвига, предопределяющего судьбу европейских миграций в ближайшие десятилетия. В восточноевропейском регионе возникла особая «пост-имперская» ситуация, чреватая крупными перемещениями людей, поворотом долговременных миграционных потоков и поисками нового геополитического равновесия. В центре всех этих процессов неизбежно окажется Россия.

Новая российская диаспора

«Собирание земель», начатое в XIV в. Иваном Калитой, продолжалось шесть столетий и наложило глубокий отпечаток на сознание русского общества, на идеологию русской государственности, утвердившуюся после Петра I как государственность Российской империи.

Провозглашенная Петром империя прекрасно вписалась в европейское геополитическое пространство. Правда, на западе Европы империя как будто уже отжила свое, там складывались независимые национальные государства, народы которых, может быть, впервые в истории смогли существовать и соседствовать, не входя в обширные, иерархически организованные полиэтнические метаструктуры — империи. Решающую роль сыграл новый тип общественных связей, созданный рыночной, городской экономикой.

Восток же Европы все еще жил политическими традициями, унаследованными от Восточной Римской империи. Их жизнеспособность поддерживалась не только традиционным типом экономики и вообще традиционным состоянием восточноевропейских обществ, но и всей геополитической ситуацией в этом регионе. Она все еще хранила черты тех времен, когда, после падения в XV в. Константинополя и стремительного усиления Османской империи, в этой части света сложился новый баланс сил. В первой половине XVI в. устояла перед натиском турок и стала превращаться в центр многоязычной империи Вена. И тогда же в далекой Московии родилась идея «Третьего Рима», возвестившая о появлении в Европе еще одного геополитического полюса, тоже превратившегося полтора-два столетия спустя в центр империи. Тогда и были заложены основы «трехимперского» восточноевропейского порядка XVIII—XIX веков.

История территориального расширения Российской империи, равно как и движения населения из исторического центра России на соседние, а затем и все более отдаленные от него земли, русской колонизации, хорошо известна. Движение это особенно ускорилось в XVI в. после победы над Казанским ханством. Оно шло, так сказать, по всем румбам, но главным направлением русской колонизации стало юго-восточное. Здесь она развивалась, по словам П. Милокова, «под прямым влиянием и контролем московского правительства, взявшего на себя оборону южной границы, а от обороны нечувствительно перешедшего к наступлению».

То ли оборонительная, то ли наступательная граница отодвигалась все далее на юг и на восток, а с ней двигались и люди. «Где было валицо крестьянское население, — писал Милоков, — правительство обращало его в служилое; не брегавали и инородцами для заселения новой военной границы». В XVII и особенно XVIII веках русская, а отчасти и украинская колонизация сделала особенно большие успехи, но «вместе с тем истощился и колонизационный материал — малорусский и великорусский», и правительство «обратилось к заграничному

переселенческому материалу», а также к бежавшим за границу раскольникам. Так в Новороссии и в Поволжье появились южные славяне (сербы, болгары) из тогдашних турецких и австрийских владений, греки и армяне из Крыма, немцы. Стало быть, русская колонизация заданна, вовлекала в поток переселенцев не одних только великороссов, хотя, конечно, они составляли большинство.

Особый важный этап русской колонизации — сельскохозяйственные переселения, ставшие массовыми во второй половине XIX в. Крестьяне из перенаселенных центральных губерний мигрировали на свободные или слабо заселенные «ближние» южные и восточные окраины европейской части страны, постепенно осваивали и более далекие края — до Амура и Тихого океана.

В советский период центробежное движение русского и иного русскоязычного населения не просто сохранилось, но значительно усилилось. Только теперь главные потоки были связаны не с сельскохозяйственными переселениями, а с промышленно-городским развитием окраинных районов, которое подстегивалось центром, проводившим политику их экономической модернизации.

Население в этих районах, особенно в азиатской части страны, было подготовлено к модернизации намного меньше, чем в ее европейской метрополии. И дело не только в том, что в них было мало специалистов, представителей современных городских профессий, но, может быть, в первую очередь в том, что модернизация, переход к городской, индустриальной, денежной цивилизации тогда вообще не относился к числу главных приоритетов среднеазиатских, закавказских и других сходных с ними обществ. Подталкиваемая извне модернизация и привела к созданию значительной иммиграционной ниши, которая заполнялась населением европейской культуры — в основном опять-таки представителями самых многочисленных народов — русскими и украинцами, хотя их поток увлек за собой и русскоязычных представителей других этносов — белорусов, татар, евреев, армян и т. д. Часть этого потока была недобровольной, состояла из заключенных, более того, из целых репрессированных народов, в том числе и таких, среди которых сейчас широко распространено русскоязычие (немцы, корейцы и т. п.).

Движение русскоязычного населения в Прибалтику в послевоенный период шло в иных условиях, но и оно, видимо, было во многом связано с тем, что модернизация, точнее, ее советская модель, не находила достаточной почвы в балтийских республиках и потому не могла быть осуществлена без притока населения извне.

Послевоенные десятилетия сыграли в расселении русского и русскоязычного населения по территории СССР весьма заметную роль. Только с 1959 по 1989 год число русскоговорящих за пределами России увеличилось на 15 миллионов человек, или почти на 70 процентов. 9 из этих 15 миллионов пришлось на собственно русских, еще 4,5 миллиона — на украинцев и белорусов. Масштабы послевоенных миграций серьезно повлияли на этнический состав населения некоторых республик. Когда же СССР распался, вне российских границ оказалось огромное число давних или недавних выходцев из России, которые в одночасье превратились в зарубежную российскую диаспору.

О составе этой диаспоры позволяет судить перепись населения 1989 года. В нее входят свыше 25 миллионов собственно русских, более 11 миллионов человек, считающих себя представителями других этносов, но назвавшие русский своим родным языком, а также представители коренных нерусских народов России, считающие родным язык своей национальности (свыше 800 тыс. татар, около 80 тыс. башкир, десятки тысяч чувашей, мордвы, удмуртов, марй и т. д.). Стало быть, российская диаспора в «ближнем зарубежье» насчитывает, примерно, 37—38 миллионов человек. Правда, такая трактовка российской диаспоры небесспорна, особенно если говорить о русскоязычных представителях народов, населяющих новые независимые государства. Правомерно ли, например, включать в российскую диаспору русскоязычных украинцев или белорусов? Сейчас на этот вопрос трудно ответить, возможно, дезинтеграция Союза, а также отмена графы «национальность» в паспортах новых государств, если она произойдет, повлечет за собой какие-то подвижки в этническом самоопределении части населения, но это можно будет установить только при последующих демографических переписях.

Ядро российской диаспоры образуют русские и русскоязычные. Если оставить в стороне собственно русских (почти 70 процентов), то среди оставшихся 30 процентов инородных представителей русскоговорящего населения более 70 процентов приходится на украинцев и белорусов, затем идут евреи, немцы, поляки, татары, молдаване и армяне, на всех же остальных (никто из них в отдельности не достигает барьера полутора процентов) падает менее одной десятой всех живущих за пределами России русскоязычных.

Почти четыре пятых русскоязычного населения «ближнего зарубежья» сосредоточены в трех государствах — Украине, Беларуси и Казахстане, причем более 55 процентов — в первых двух. Но доля русскоговорящих среди всего населения весьма высока во многих бывших республиках Союза. В Казахстане и Латвии она превышает 40 процентов, на Украине, в Беларуси и в Эстонии составляет примерно треть, в Кыргызстане и Молдове — примерно четверть и лишь в трех республиках Закавказья и в Таджикистане не достигает десяти процентов.

Измаильский штык или перемена мест?

Когда три государственных мужа в Беловежской Пуще поспешно подтвердили клинческой смерть империи-Союза, они не очень-то задумывались над деталями будущего. Может быть, момент тому и не благоприятствовал. Но будущее стремительно становится настоящим, и то, что могло казаться незначительными деталями, приобретает очертания огромных, неразрешимых проблем. К этим «деталям», увы, относятся и судьбы 60 миллионов человек — каждого пятого жителя бывшего Союза, однажды проснувшегося за пределами «своего» независимого государства, — в том числе и судьбы огромной российской диаспоры.

Российская пресса пестрит материалами о положении русскоязычного населения в бывших союзных республиках. Иногда оно — в прямой опасности, возникает даже угроза жизни, иногда испытывает иные трудности, с которыми нередко сталкиваются национальные меньшинства и в других странах (в том числе и в России), если законодательство и общественное мнение не защищают их должным образом, иной раз откровенно ущемляются их гражданские права.

Можно, конечно, посоветовать на неразумную или негуманную политику новых независимых государств. Можно не сомневаться: в чем-то они и сами прядут к большей гибкости и терпимости. А все-таки рассчитывать на полное решение или хотя бы значительное смягчение в них «русского вопроса» не приходится. Рассуждая теоретически, русские вполне могут стать равноправными гражданами Украины, Латвии или Кыргызстана, то есть получить официальный статус украинцев, латышей или киргизов. Ведь стали же сотни тысяч, а то и миллионы русских эмигрантов французами или американцами. Они могут сохранять (а могут и не сохранять) интерес к России, память о своем происхождении, языке или религии. Но в большинстве своем уже со второго поколения они живут интересами Франции или Америки, несут воинскую службу под знаменами этих стран, их основной, а то и единственный язык — французский или английский, и, в общем, они в лучшем случае уже «бывшие русские».

Устроит ли такой выбор русских «ближнего зарубежья»? Устроит ли украинцев, латышей, киргизов? Как ответить на этот вопрос, не подливая масла в огонь этнических конфликтов? А отмолчаться тоже нельзя, зачем загонять болезнь вглубь?

Кыргызстан — не Франция, Украина — не Америка. Огромная Россия слишком близка, поле ее экономического и культурного тяготения слишком сильно, память об имперском — далеко не бесславном — прошлом слишком жива, чтобы русские в «ближнем зарубежье» легко отказались от своей «русскости» — и не только в культурном, но и в государственном, гражданском смысле. А с другой стороны, опять-таки огромная Россия слишком близка, поле ее экономического и культурного тяготения слишком сильно, память об имперском прошлом слишком жива, чтобы утверждающие свою государственную независимость украинцы, латыши или киргизы не опасались своих русских сограждан, не видели в них пятую колонну «большого брата».

Нет, конфликты неизбежны. Писать об этом тяжело, тем более что и не считая, что империя — российская ли, советская ли — была каким-то монстром. Она была не хуже и не лучше других империй, в истории населявших ее народов она оставила отнюдь не только недобрый след. Недобрый тоже, конечно, так ведь безусловно хорошо только там, где нас нет. Но иные времена империй в Европе кончилось. Переход же к новому состоянию очень не прост, конфликты — в порядке вещей. Навينو полагают, что может быть бесконфликтным существование в «ближнем зарубежье» огромной российской диаспоры. Как преодолеть эти конфликты?

Раздаются голоса, призывающие Россию защищать своих детей, где бы они ни

находились. Многим кажется невероятным, что за честь обиженных русских «от потрясенного Кремля до стен недвижного Китая, стальной щетиною сверкая, не встанет русская земля». Может быть, и встанет, и защитит. Но какой будет правовая основа такой защиты, вмешательства одного государства во внутренние дела другого? Что может принести ставка на свержение «стальной щетины», на силу России? Кое-какие попытки силового разрешения конфликтов нам уже довелось наблюдать, и почти буквально блеснул упомянутый Пушкиным «измайловский штык».

А ведь великий Пушкин, утверждавший после польского восстания, что «Польша участь решена», на этот раз был неправ. В том-то и дело, что она не была решена, и сколько крови, и русской, и польской, и немецкой, и прочей, предстало еще пролить, чтобы «участь Польшы» действительно решилась — и совсем не так, как виделось Пушкину! Не урок ли это? Даже в случае успеха силы в данный момент, ее применение не может принести долговременного решения. Рано или поздно такой успех обернется новыми, еще более острыми конфликтами. Нет, это не путь.

Но есть ли иной? Да, есть. Не защита русскоязычного населения везде, где оно живет, а возвращение из потерявших былую привлекательность краев вне России в ее пределы. Этот путь не то чтобы неизвестен, но как-то не очень близок возбужденному общественному сознанию. О нем не любят, порой явно избегают, говорить, словно видят в нем какое-то отступление. Вроде бы потрясать «измайловским штыком» патристичнее, чем строить планы возвращения россиян в Россию.

Сказываются, конечно, и то, что переживающая кризис Россия способна принять очень ограниченное число своих детей, ни морально, ни психологически не готова к их массовому возвращению. Те, кто пытается вернуться — под давлением прямой опасности или предусмотрительно упрещающей ее, — сталкиваются с огромными препятствиями, а то и с прямым противодействием местных властей и населения.

Тем не менее уже сейчас возвратная миграция приобретает размах далеко нешуточный, хотя достоверно оценить его трудно. Статистика миграций неполна и несовершенна, тем более что значительная их часть выступает в кризисных формах непредсказуемых перемещений беженцев и вынужденных переселенцев. Иногда говорят о сотнях тысяч более или менее вынужденных переселенцев, некоторые оценки переваливают и за миллион. К тому же не вся вынужденная миграция в Россию — возвратная. Приток беженцев — армян, осетин, турок-мескетиинцев и т. п. — имеет якую природу, предопределен имперской ролью России в прошлом. Но сейчас растет собственно возвратная миграция, и приходится задумываться именно над ее будущими масштабами. Здесь мы сразу же попадаем в весьма спорную область.

Российская диаспора в разных государствах «ближнего зарубежья» играет разную роль, живет в неодинаковых условиях, стало быть и события в них будут разниться по-разному. Обычно полагают, что наиболее вероятны миграционные потоки из Балтийских государств, Молдовы, Грузии, особенно же из бывших республик Средней Азии. Что же касается Украины, Беларуси и Казахстана, где находится большая часть диаспоры, то появление массовых потоков переселенцев оттуда считают маловероятным. Это служит главной основой для довольно скромных оценок будущих возвратных миграций. Так, по мнению В. Переведенцева, чистый миграционный прирост за десять лет не превысит трех миллионов человек, если же учесть выезд жителей России за пределы бывшего Союза, то миграционного прироста может и вообще не быть.

Этот прогноз основан на анализе ситуации в настоящем и недавнем прошлом. Но ведь тенденции возвратных миграций еще не могли проявить себя в должной мере, ситуация слишком непривычна, многое в жизни новых независимых государств еще не определилось. Сейчас возвращение в Россию — отчаянный шаг, на который не каждый рискнет без крайней необходимости. Независимо, что ждет мигранта на исторической родине, да и сам переезд весьма непросто — экономически и даже технически. Из некоторых республик очень трудно, а иногда и невозможно выехать, не хватая транспорт, многие маршруты небезопасны.

Еще важнее, что при анализе сегодняшних миграций за его рамками остается новизна геополитической ситуации, не осознанной еще ни политиками, ни самим населением. Какова степень окончательности этой ситуации? Полной ясности пока нет, но совершенно исключать какие-то подвижки, попытки перекроить границы новых независимых государств и т. п., видимо, нельзя. В этих условиях

при оценке масштабов будущих возвратных миграций следует учитывать самые разные варианты развития событий, в том числе и такие, при которых этнические миграции становятся инструментом решения нерешимых иными мирными способами проблем.

Верно, что массовая миграция русскоязычных из Украины или Казахстана кажется маловероятной. Это как будто подтверждается и изучением общественного мнения. Самые первые Sondажы, проведенные в 1990 и 1991 гг., показали, что доля русских, имевших намерение при первой возможности переехать в Россию из Украины и даже из Прибалтики, была невысокой (2–7 процентов в 1991 г.), тогда как в Казахстане она повышалась уже до 11 процентов, в Молдове, Кыргызстане, Узбекистане, Азербайджане, Туркменистане — до 23–28, в Таджикистане — до 36 процентов. Однако разве не должно настаивать на том, что даже на Украине до распада СССР, еще до 21 до 30 процентов опрошенных уклонились от определенного ответа, так что доля определенно выразивших желание остаться в республике даже тогда составляла от 53 процентов в Западной Украине до 77 в Восточной. В республиках Прибалтики она равнялась 60–62, в Казахстане — 50, в республиках Средней Азии и Азербайджане от 23 до 36 процентов.

Последующее развитие событий во всех бывших республиках едва ли способствовало уменьшению доли русских, желающих переселиться в Россию. Есть множество факторов, таких, как различия политических режимов, степень напряженности межгосударственных отношений с Россией или межэтнических отношений внутри каждого из государств, ход экономических реформ или темпы экономического развития, культурная и языковая ситуация и т. п., которые могут вызвать более или менее сильные миграционные потоки русскоязычного населения (а по существу, населения русской культуры) даже и из Украины. А ведь всего 10 процентов русскоязычного населения Украины, Беларуси и Казахстана — это почти 3 млн. человек.

Уроки истории

Если судить по вялой реакции на возврат населения в Россию властей и общественного мнения, по очень сдержанным оценкам его будущих масштабов, то на него смотрят как на нечто временное, ожидая, что страсти улягутся и все останется, как было. Мысль же о том, что многим миллионам людей неотвратимо предстоит ступить со своих насиженных, а иногда и родных мест и всерьез обживать новые, кажется, видимо, почти нелепой. Но так ли она нелепа?

Начать с того, что сам по себе распад СССР не создал новых возвратных потоков в Россию, а лишь усилил прежние. Центробежные потоки миграции русского населения ослабевали давно и постепенно стали сменяться центростремительными. Отток русских из России прекратился в 80-е годы, а их вытеснение из республик началось еще ранее: в 60-е годы из Грузии и Азербайджана, в 70-е — из Армении и Средней Азии. Силы выталкивания русского (русскоязычного) населения в бывших союзных республиках нарастали и все больше перевешивали силы притяжения. После же распада Союза их перевес стал особенно явным, соответственно резко увеличались центростремительные потоки. Но даже если бы этих потоков и не было прежде, они все равно возникли бы в ответ на новую политическую ситуацию — об этом говорят исторические опыты.

Как уже отмечалось, Россия — последняя из трех метрополий, которые стояли во главе империй, доминировавших на протяжении столетий в Восточной и Центральной Европе, Передней и Центральной Азии, и делила между собой «сферы влияния» на обширные, разделявшие их периферийные пространства. Уход каждой из империй с исторической сцены, как правило, сопровождался сложными и мучительными поисками государственного, этнического, религиозного размежевания, одним из главных инструментов которого служили миграции.

Первой покинула европейскую арену Османская империя. Ее постепенное ослабление и отступление привело к массовому оттоку мусульманского населения в сжимавшиеся границы империи. Отток шел с конца XVIII в. из расширявшихся пределов России, а в XX в. — с Балкан и был очень значительным: примерно

4 миллиона иммигрантов с конца XVIII в. (300—500 тыс. в последние десятилетия XVIII в. из Крыма и прилегающих к нему территорий; свыше 1 млн. из Крыма, с Кавказа, из Поволжья и с Урала в XIX в.; примерно 1 млн. из Балканских стран с 1877 по 1920 г.; 1225 тыс. в основном из Греции, Болгарии, Югославии и Румынии с 1923 по 1970 г.). Заметим, что население самой Турции в 1870 г. оценивается примерно в 20 млн. человек.

Навстречу перемещениям мусульман в XVIII—XIX вв. двигались и противоположно направленные потоки христианского населения — греков, болгар, сербов, армян. В начале XX в. агония империи породила всплеску национализма и резкое ускорение национального размежевания на ее бывшей территории. Начиная с 1912 г. из Турции вынуждены были эмигрировать почти 2 млн. греков, большое число уделенных от геноцида армян. В 1870 г. в Турции было 2300 тыс. армяноязычных жителей и 2100 тыс. грекоязычных, в 1927 г. их оставалось соответственно 65 и 120 тысяч.

Следующий крупный этап постимперского европейского размежевания наступил после Второй мировой войны, когда окончательно пала столетиями существовавшая в той или иной форме Германская империя и был положен предел германской территориальной экспансии на Восток. Агония германской экспансионизма тоже вписала немало мрачных страниц в историю Европы. На их фоне послевоенные этнические миграции, особенно же возвратные миграции немцев сыграли положительную роль как в истории Европы, так и в истории Германии. За короткое время в обе части послевоенной Германии переселилось огромное количество немцев с современной территории СССР, Польшы, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии и других стран. Во второй половине 50-х годов общее число мигрантов в ФРГ достигло 12,5 млн. человек, в ГДР — 4,3 млн., в обоих случаях почти четверть всего населения.

Сейчас начался новый, видимо, последний этап разрушения восточноевропейской «трехимперской» структуры, и события едва ли станут развиваться принципиально иначе, чем на первых двух этапах. Долгое время ослабление, а затем и прекращение турецкой и германской экспансии не только облегчали России проникновение на сопредельные территории, но, в известном смысле, оправдывали его соображениями межимперской борьбы. Но сейчас нет этого оправдания, нет оснований для появления «стальной шпатель» за спиной российского пахара, строителя или ученого, они чувствуют себя неутихо, вынуждены собираться в дорогу.

Еще совсем недавно могло казаться, что более или менее вынужденные миграции как способ межнационального размежевания ушли в прошлое и, по словам одного французского автора, «неприемлемы сегодня для международного общественного мнения, по крайней мере европейского». Изменения в Европе воспринимались многими в духе предложенной американским политологом Ф. Фукуямой концепции «конца Истории», окончательной победы экономического и политического либерализма, и, казалось бы, давали основания для вполне оптимистических ожиданий, в том числе и в отношении европейских миграций. Подобными ожиданиями, созвучными общей политической эйфории, с которой Европа вступила в последнее десятилетие XX века, проникнут, например, доклад Дирка Ван де Каа на Европейском демографическом Конгрессе в 1991 г. «В долгосрочном плане, — полагал он, — миграции из Европы и в Европу и перемещения внутри континента будут происходить в соответствии с общепризнанными либерально-демократическими взглядами на достоинство, свободу и права человека и в условиях, в которых по крайней мере на официальном уровне, расовые и культурные предрассудки не будут играть роли».

Сотни тысяч, а то и миллионы нелегальных эмигрантов, беженцев и искателей политического убежища на дорогах сегодняшней Европы, этнические конфликты, часто стоящие у истоков миграционных перемещений, — все это не слишком соответствует идеалу оптимистических ожиданий, иллюзиям «конца Истории». Как писал в своей книге «Геополитика для Европы. К новой Евразии?» П. Беар, эти иллюзии подобны тем, которые вызвали «европейская экспансия Французской революции у Гегеля, расцвет Средневековья у Иоахима де Флора или триумф Римской империи у Полибия», и на деле вовсе «не означали конца Истории, а лишь знаменовали окончание одного из ее этапов». Сегодняшний «новый этап» может принести свои неожиданности, возможно, и не очень приятные.

Хочется верить, что ни в Западной, ни в Восточной Европе, ни на просторах

бывшего Союза ССР дейо не дойдет до безумных попыток создания «этнически чистых» национальных государств, до торжества принципа этнической нации над принципом нации гражданской, «права крови» над «правом почвы». Гражданское общество, не знающее ущемлений прав этнических меньшинств, — такой видится модель национального государства будущего. К этому будущему, однако, надо еще прийти, разобрав многие завалы, оставшиеся после распада империй. Опыт истории показывает, как опасна затянувшаяся агония империй для них самих и для их соседей.

Османская империя долго не хотела смириться с новыми историческими реальностями, вела бесконечные истощающие ее войны. Длительным, трудным, порой кровавым было и национально-религиозное размежевание, связанное с ее ослаблением и распадом, иногда оно доводило националистические страсти до предела. Так или иначе с ним связаны и страшный геноцид армян в 1915 г., и мучительные, часто неоднократные переселения греков в десятки — двадцатые годы, и сталинские депортации народов — своеобразные «этнические чистки» Крыма и Кавказа, и миграции болгарских турок в восьмидесятые годы, и нынешние события в разных точках давней границы империи от Югославии до Северного Кавказа. Так что более или менее добровольные миграции в ряде случаев оказываются все же наименьшим злом. Международные договоры об обмене населением между Болгарией и Грецией (Нейи, 1919), Грецией и Турцией (Лозанна, 1923) означали, по существу, попытку создать правовые рамки для таких миграций, поставить их под какой-то международный контроль, свидетельствовали о поисках разумной стратегии постимперского урегулирования.

Германский Drang nach Osten завершился возвратными миграциями тоже отнюдь не сразу. Упорство германского экспансионизма дорого стоило и самим немцам, и другим народам Европы. Но немецкий опыт возвратных миграций после Второй мировой войны заслуживает внимательного изучения и подражания. Переварить огромную эмиграцию разоренной войной Германией было непросто. Она усугубляла экономические и политические трудности страны и грозила серьезной дестабилизацией внутренней и даже международной обстановки. Многочисленные беженцы, оказавшиеся в очень тяжелом положении, объединялись в союзы и партии, группировавшиеся на крайнем правом фланге политического спектра, активную роль в них играли бывшие члены нацистской партии. Нарастали реваншистские и ирредентистские настроения, опасность того, что многочисленные бездомные, оторванные от своих корней люди образуют ядро разрушительных правэкстремистских сил.

Нынешняя российская ситуация в том, что касается беженцев, может стать похожей на послевоенную германскую. В Германии она была успешно преодолена, что способствовало послевоенному подъему и самой Германии, и всей Западной Европы. Сегодня реваншистские, имперские идеи могут набирать силу в России. Она переживает тяжелый экономический кризис и в то же время находится в состоянии идеологического шока, общественное сознание дезориентировано, уязвимо для всякого рода социальной и национальной демагогии.

Нельзя сбрасывать со счетов и нарастающее недовольство по крайней мере части русскоязычного населения, оставшегося за пределами Российской Федерации. Оказавшись в непривычном положении национального меньшинства, оно испытывает социальный дискомфорт, действительное или воображаемое ущемление прав. Кто-то найдет выход в эмиграции на Запад, но если говорить о большинстве, то оно легко может склониться к требованиям восстановления прежних «метатраниц» или по крайней мере создания новых, особых границ для русскоязычных анклавов в сопредельных (Эстония) и даже несопредельных (Молдова) странах. Все это может соединиться с недовольством внутри России и послужит детонатором социального взрыва, который отбросит Россию, Европу, а значит, и весь мир на десятилетия назад.

Альтернатива такому развитию очевидна. Надо сделать все возможное, чтобы избежать затижного «турецкого» пути возвратных миграций — пути, чреватого конфликтами и попятными движениями, изматывающего страну, отвлекающего от решения внутренних задач, которые давно уже вошли в противоречие с ее имперскими амбициями. Россия должна найти интеллектуальные и материальные ресурсы для разработки и реализации программы приема и обустройства всех представителей российской диаспоры, кто пожелает, конечно, только тех, кто пожелает вернуться на историческую родину.

В чем польза для России?

Германия явно выиграла, переключив свои ресурсы с внешней экспансии на внутреннее развитие, да и Турция постепенно оправляется от тяжелейшего исторического шока тоже не на путях возврата к бывшему имперскому величию. А что же Россия?

В постоянном окружении российских владений имперские политики и идеологи столетиями видели — и не без оснований — пользу России, имперское и патристическое начала здесь сливались воедино. Постоянные территориальные превращения, сама огромность занимаемого пространства являли не только на государственную мысль. Многочисленные военные победы наполняли гордостью русские сердца, страна привыкала ко все новым и новым захватам, которые становились для России как бы естественным способом существования, воспитывали мироощущение всего общества, формировали его образ мысли, его психический склад. «Империя» — не бранное слово, а определенная историческая форма организации крупных геополитических пространств. Ей соответствуют определенные идеология и политика, определенные правила мировой игры. Россия и играла по этим правилам, общественное сознание их принимало.

Но мало-помалу приходило понимание и того, как дорого обходился России ее имперский курс. Единство имперского и патристического начал с какого-то времени стало вызывать сомнения. Только ли выигрыш несет стране ее бесконечные территориальные приобретения? Так ли уж совпадают государственные интересы России с интересами ее граждан? Не слишком ли тяжело поступь имперского Медного всадника для отдельной человеческой судьбы? Русские люди начинают размышлять над этим, подобно тому, как размышлял Тытушкин, персонаж Глеба Успенского, вспоминая «топорнейшую лекцию» своего школьного учителя.

«...Через каждые три фразы четвертая была непременно такая: «Мы расширили пределы «от» «до»... Затем следовали новые три фразы о мудром приказании и за ним опять та же четвертая о том, что после этого приказания только что расширенные пределы опять расширились еще дальше «от» «до» и все без малейших трудностей, даже как бы без людей, а с помощью какого-то «мы взяли» расширили. И вот это-то «мы» и неизменно сопровождавший его результат расширения наших пределов могли настолько овладеть моим вниманием, что я почти легко забывал личное, позорнейшее унижение. ...Хотелось исчезнуть в этом «мы», пойти бы туда... Там нет ни меня, ни моих мук, ни моей личности..., все одно «мы»... в нем какая-то огромная сила... Эта сила и меня возьмет, и меня совершенно освободит от самого себя, и расширит пределы еще дальше».

Впрочем, и с чисто «государственной» точки зрения не один только выигрыш можно увидеть во многовековом «расширении пределов». Колонизация российских просторов тяжелым бременем лежала на экономике страны, постоянно перемалывала материальные и людские ресурсы, поглощала психическую энергию нации. «Огромные пространства легко давались русскому народу, — писал Бердяев, — но не легко давались ему организация этих пространств... Размеры русского государства ставили... почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении». А для наших дней имперские аргументы и вовсе утратили убедительность, бремя же имперское стало для России еще более тяжким, и прежние доводы звучат, по словам Солженицына, «с тысячекратным смыслом: нет у нас сил на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. Нет у нас сил на Империю!» И оправдан поворот миграционных потоков — возврат «зарубежных» россиян укрепил и обогатил бы Россию да и отвечал бы новым геополитическим обстоятельствам.

Районы бывшего СССР с высокой плотностью населения и быстро растущей его численностью остались за пределами России. Ее же собственный потенциал демографического роста близок к исчерпанию. Как и другие европейские страны, она вступает в полосу нулевого или даже отрицательного естественного прироста населения. Для густонаселенных европейских стран в этом нет особых проблем, для России с ее просторами — есть. Она по-прежнему обладает огромными слабо заселенными территориями Европейского Севера и Сибири. На немерных российских пространствах к востоку от Урала живет всего 32 миллиона человек — население двух Голландий. За три десятилетия — с 1960 года — прибавилось всего 10 миллионов, а в самое последнее время население здесь вообще убывает. Природные богатства Сибири известны, хотя дело, конечно, не просто в богатствах. Здесь может возникнуть геополитическая воронка, способная засосать полимира

в новый конфликт. Как полагает, например, П. Беар, «Сибирь станет крупной ставкой XXI века... Если Сибирь будет потеряна Россией, она не останется долго без хозяина. Ее богатства, как и ее стратегическое положение, делают ее объектом возжелания для тюрко-монгольского мира, граничащего с ней на юго-западе, для Китая на юге, наконец, для Японии, которая смотрит на нее с востока... От того, кто будет владеть Сибирью, зависит будущее мира и прежде всего будущее граничащей с ней Европы».

Россия не утратила своего места крупнейшей и богатейшей страны региона. Попытка превратить Империю в Союз один раз не удалась, получились не Союз, а новая Империя. Ныне и она распалась, скорее всего навсегда. Но это вовсе не значит, что история и география перестали играть свою роль. В мире по-прежнему сталкиваются региональные и государственные интересы, существуют военные блоковые, ценится стратегическая мощь. И *Drang nach Osten* может еще вспомниться, и Китай уже не «недвижимый»... Глобальные геополитические факторы, территориальное соседство, общность исторического пути, давние тесные связи не исчезли и не исчезнут, будут подталкивать бывшие части СССР, по крайней мере некоторые, к новому сближению, может быть, даже к новому союзу. И Россия скорее всего окажется естественным лидером такого союза. Но ведь надо, чтобы потенциальные союзники приняли такое лидерство, не опасаясь его перерастания в имперский диктат. Присутствие в их границах большого числа русских едва ли будет способствовать устранению всякого рода подозрений, а потому и сближению.

Так что Возвращение отвечало бы и внутренним, и международным государственным интересам России, конечно, если будет достойным. Ведь оно может идти натушно, со скрипом, с надрывом, плоды бездомных, порождая политические раздоры и распри, сделаться в итоге еще одним источником национального разобщения и кризиса. Но оно же может стать едва ли не главным из дел «обустройства» России, символом ее возрождения, помочь единению и общественному согласию. Надо увидеть в Возвращении высокую национальную цель — namely более высокую и благородную, чем цель удержания силой всех земель и вод, обороны неизвестно кем осажденной крепости, непобедимого, но и не способного победить военного могущества.

Где взять средства?

Широкомасштабное Возвращение требует огромных средств, а возможности наши — ничтожные. Страна разорена, экономика парализована, рубль унижен.

Тем не менее источников средств есть, многие из них хорошо известны, их перечисляет, говоря о Возвращении, и Солженицын, и сокращение военных расходов, и отказ от помощи зарубежным «друзьям», и ограничение капитальных вложений в промышленность, и уменьшение бюрократического аппарата...

К этим внутренним источникам, думаю, можно было бы добавить и внешнюю помощь. Не худо вспомнить, что послевоенная возвратная миграция в Германию, как и подготовка ее общего экономического подъема, сопровождалась очень большой помощью извне. За 6 первых послевоенных лет Западная Германия получила свыше 3,3 миллиарда долларов от США и более 0,7 миллиарда от Великобритании. В ценах 1989 г. это примерно 21,4 миллиарда долларов — 75—80 долларов на каждого жителя страны или — в расчете на нынешнее население России — 11—12 миллиардов долларов в год — сумма, которая кажется огромной, но составляет всего не более 0,25 процента валового национального продукта США или Западной Европы. Если бы эту помощь оказывали совместно страны ЕЭС, США и Япония, расходы, вероятно, не превысили бы 0,1 процента их совокупного ВВП. Напомним, что США после Второй мировой войны расходовали на помощь европейским странам по Плану Маршалла около 1 процента ВВП, то есть в десять раз больше. Германия же получала примерно две трети указанной помощи сверх Плана Маршалла.

Конечно, не следует слишком упрощать ситуацию. Запад переживает свои экономические трудности, тамошнему общественному мнению не всегда понятно, почему следует так активно помогать вчерашнему противнику. Но ведь и помощь послевоенной Германии не была следствием каких-то особых ее заслуг — такова была цена ее умиротворения. Вместо униженной и разоренной Германии, восторженной идеи реванша после Первой мировой войны, Европа и мир получили

процветающую и спокойную Германию второй половины XX века. А разве не видна всемирная опасность дестабилизированной, разрываемой внутренними напряжениями России?

Собрав ресурсы из внутренних и внешних источников, можно было бы взяться за решение и не таких задач, как расселение соотечественников на родной земле. Сам приток их — людей, как правило, городских, квалифицированных, а главное, заинтересованных в срочном решении своих проблем, — мощный стимул экономического роста России.

Впрочем, даже если ресурсы будут насканы, это тоже не решает всех проблем. Как отмечалось в одном из докладов, подготовленных экспертами Экономической Комиссии ООН для Европы, «вопрос заключается не столько в том, смогут ли позволить себе западные страны провести План Маршалла в таких масштабах, сколько в том, способны ли страны Восточной Европы освоить такую помощь». Ибо здесь легкость сравнений с Германией заканчивается. Успех в решении проблем интеграции немецких беженцев в западногерманское общество был успехом верно найденной общей экономической и социальной политики, проводившейся после возникновения ФРГ.

Эта политика была высоко оценена, в частности, в опубликованном больше 30 лет назад исследовании Международной организации труда, в котором подводились итоги послевоенной реэмиграции и адаптации немецких беженцев. Вот несколько выдержек из него.

«Главной целью политики, проводившейся... до 1948 г., было преодоление инфляции. Но вместо того, чтобы устранить причину зла, его лишь пытались обуздать такими мерами, как рационарование или налогообложение, и, действуя таким образом, преуспели только в удуплении всей экономики контролем. В результате вместо того, чтобы создать побуждения к производству... политика увечивала существующие дефициты и заводила в тупик все финансовые начинания. Эта политика потерпела очевидный провал, и в июне 1948 г. ...экономика была освобождена от строгого контроля (за исключением кредитного), а цены и зарплата были отпущены с тем, чтобы их уровень установился под действием рыночных сил.

Политика отдавала абсолютный приоритет инвестициям, а чтобы избежать опасностей инфляции... структура налогообложения была пересмотрена таким образом, чтобы повысить налоги на зарплату (главным образом за счет косвенного налогообложения) и понизить налоги на прибыль вплоть до полного освобождения от налогов значительной ее части. Благодаря этому максимально возможная доля национального дохода была переключена с потребления на инвестирование...

Эти решительные шаги оказались замечательно эффективными. Валовой национальный продукт между 1949 и 1957 г. увеличился почти на 85 процентов; была обеспечена устойчивость новой валюты; платежный баланс был восстановлен, несмотря на сокращение помощи из-за рубежа и ее полное прекращение после 1952 г.; промышленность была переоборудована и даже значительно расширена. И в то же время устойчиво росло личное потребление, особенно в последние годы... Безработица, которая непрерывно росла до 1950 г., затем быстро пошла на спад, и к 1957 г. число безработных уменьшилось с 1580 тыс. до 662 тыс., тогда как экономически активное население с 1946 по 1957 г. выросло почти на 6 млн. человек, или на 30 процентов».

Между 1949 и 1957 г. прошло столько же времени, сколько между 1985 и 1993-м, а ничего похожего на «немецкое чудо» у нас пока не случилось. Все, что можно переключить с потребления на инвестирование, давно уже переключено. Но инвестиции всегда шли прежде всего в те отрасли, которые абсолютно безразличны к платежеспособному спросу населения, — нам проще сделать три «МиГа», чем одну кофеварку. И откуда такое направление инвестиций не преодолено, возвращающиеся в Россию россияне — всего лишь несчастные беженцы, которые вступают с нами в конкуренцию из-за куска хлеба, квадратного метра жилья, места в детском саду. Но кто же им отдаст...

А надо бы по-иному. Возможности России велики, на их создание много было сил положено. Думали ли подвижники индустриализации, энтузиасты тридцатых-сороковых годов, что их изнурительный труд во имя ожидаемого восторжества социализма будет иметь своим истинным следствием лишь то, что спустя десятилетия родная страна превратится попросту в одного из крупнейших в мире торговцев оружием? Социализм оказался утопией, но промышленность-то создана — тоже ведь без средств, на займы у собственного народа. Он тогда предоставил — с ропотом ли, без ропота, не о том сейчас речь — безграничный

кредит почти даровых сил, талантов, средств — всего, что у него было. Не пришло ли время платить по векселям, в том числе и тем, кто, покинув родной дом в Москве, Нижнем или какой-нибудь забытой Богом Недоступовке, отправлялся служить великим идеалам на дальних рубежах?

Сегодня крупная, поддержанная всеми национальными силами, правильно понятая за границей, опирающаяся на принципы добровольного выбора и экономического либерализма программа Возвращения может и идеологически, и практически стать мощным противовесом непобедимым традициям централизованной экономики и ее главной опоры — военно-промышленного комплекса. Тогда и средства найдутся, и колеса рыночной экономики закрутятся веселее.

* * *

Как-то, еще в 1992 году, в «Известиях» промелькнуло сообщение о секретном постановлении российского правительства касательно мер на случай массового бегства русских из стран ближнего зарубежья. Привыкли к секретам от самих себя... Массовое возвращение россиян в Россию, если оно состоится, станет новым словом российской истории. Надо многое взвесить, многое предусмотреть, многое упредить. Засекреченным чиновникам это не под силу. Все общество должно привыкнуть к мысли о стоящей перед ним необычной задаче. Хорошо бы услышать духовных лидеров нации, представителей различных политических сил. Без общего согласия такую задачу не решить, а согласия сразу может и не быть. Времени же особого в запасе нет. О том напоминают и сотни тысяч, а может быть, и миллионы «вынужденных мигрантов», и тлеющие конфликты, связанные с неопределенным положением «русскоязычных» в разных концах ближнего зарубежья.

Медлить нельзя. Надо посмотреть реальности в глаза и, не откладывая начать всерьез готовиться к Возвращению.

Оно неизбежно.